

Император произнес это на удивление мягко, но в такой момент никто не посмел бы ответить ему утвердительно. Хан Сиэнь внешне тоже не стал исключением. Напустив на себя встревоженный вид, он поспешил оправдаться:

— Ваше Величество, пощадите! Ваш слуга косноязычен, я вовсе не это имел в виду. В последнее время придворные мужи оказывают мне некое уважение, да и отец стал ценить куда больше — но всё это лишь благодаря высочайшему доверию Вашего Величества. Я едва успеваю благодарить небо за вашу милость, так разве посмел бы я таить в душе обиду на государя?

Когда Император услышал, как самонадеянно Хан Сиэнь заявляет о всеобщем почтении к своей персоне, последние остатки его недовольства мгновенно испарились. Однако от такой поразительной дерзости у правителя даже уши запылали, а к щекам прилил редкий румянец смущения.

Он молча вглядывался в безмятежное лицо юноши, изумляясь про себя:

"А он ведь и впрямь не робкого десятка, раз заявляет подобное!"

Насколько знал государь, среди гражданских и военных чинов при дворе едва ли нашлась бы пара человек, искренне уважавших Хан Сиэня. Даже те сановники, что причисляли себя к фракции «чистых потоков», хоть и признавали полезность его жестких мер для казны и государства, глубоко презирали его манеру действовать напролом, сначала карать, а потом докладывать, совершенно пренебрегая приличиями. Что уж говорить о более консервативных сановниках.

Врагов у Хан Сиэня в совете было пруд пруди. Если бы не воля самого государя, сознательно сдерживавшего поток доносов, жалобы и требования покарать наглеца давно завалили бы императорский стол до самого верха.

Осознав, что в нынешнем шатком положении юноши виноват он сам, сознательно сделавший из него громоотвод, Император почувствовал укол вины и легкое замешательство.

Хан Сиэнь, впрочем, и бровью не повел, делая вид, что понятия не имеет о душевных терзаниях правителя. С самым скорбным и заботливым выражением лица он продолжил:

— Ваш покорный слуга лишь переживает, что милость, явленная мне Вашим Величеством, невольно послужила корнем этой суматохи. К тому же во всем герцогском поместье прекрасно знают: добродетельная наложница Сянь-фэй изначально благоволила старшей дочери моего второго дяди, а вовсе не Минчжу. К тому же Ваше Величество милостиво обещали, что никто не вправе принуждать Минчжу к браку против ее воли. Если домашние действительно решились на столь дерзкий шаг, то они, боюсь, выказали крайнее пренебрежение к священной воле государя, что не может не навлечь ваш гнев. Разумеется, всё это лишь догадки вашего слуги. И всё же я взял на себя смелость вмешаться, дабы не допустить непоправимого, а вовсе не из желания оскорбить Пятого принца.

Стоявший поодаль евнух Юань Бао уже давно привык к столь откровенным и безжалостным наветам со стороны Наследника. Не прояви Хан Сизнь подобной «заботы», Его Величество, возможно, и не стал бы утруждать себя размышлениями о кознях в доме герцога Хань. Но теперь, раздуваемое вкрадчивым голосом юноши, пламя монаршего гнева вспыхнуло с новой силой. Юань Бао воочию видел, как лицо государя стремительно темнеет с каждым словом. Хан Сизнь мастерски сыграл на уязвимых струнах императорского самолюбия.

Тот факт, что Хан Сизнь столь легко и без утайки выкладывал грязные тайны собственной семьи, в глубине души льстил Императору. Для него это было неопровержимым доказательством абсолютной преданности юноши, не скрывавшего от своего господина ничего. На этом фоне мысль о том, что семейство Хань посмело пренебречь высочайшим указом, казалась государю особенно оскорбительной.

Тем не менее, выслушав жалобу, Император постарался сохранить величие и невозмутимость, подобающие мудрому владыке. Он довольно мягко произнес:

— Твои слова заслуживают внимания. Я прикажу всё разузнать и проверить. А теперь ступай.

Для ушей Хан Сизня эта фраза прозвучала однозначно: «Возвращайся домой и жди хороших новостей». Не став торговаться или просить о большем, он почтительно откланялся и покинул кабинет.

Как только двери за гостем закрылись, Император задумчиво прищурился, глядя на Юань Бао.

— Как думаешь, — негромко спросил государь, и в его голосе проскользнули опасные нотки, — Хан Сизнь наговорил всё это намеренно, желая моими руками проучить родню, или же он действительно столь наивен и чист в своих помыслах?

Лицо старого евнуха осталось бесстрастным, словно высеченным из камня. Склонив голову, он почтительно отозвался:

— Ничтожный раб не смеет судить о мыслях Наследника. Однако Вашему Величеству давно известно, что отношения наследника Хань с его почтенным семейством оставляют желать лучшего, да и сам он никогда этого не скрывал. Быть может, молодой господин действительно почувствовал себя глубоко уязвленным и, представ перед Вашим Величеством, просто излил душу, как делал это прежде.

Юань Бао говорил гладко, с предельно искренним выражением лица. Император негромко усмехнулся.

— Выходит, ты тоже считаешь, что он просто пришел ко мне поплакаться и нажаловаться на родичей?

Юань Бао лишь почтительно прикусил язык, сдержанно улыбнувшись в ответ.

Государь и не ждал от него откровений. Опершись подбородком на руку, он протянул с легкой

усмешкой:

— Впрочем, его жалоба пришлась мне весьма по душе. Пожалуй, стоит отправить Хан Чжо щедрый подарок и разом исполнить чаяния его дома и нашего оболтуса Пятого.

Пока Император размышлял вслух, Юань Бао хранил молчание, усердно и бесшумно растирая тушь на чернильном камне.

Развернув свиток плотного шелка императорского желтого цвета, правитель уверенными взмахами кисти начертал указ о даровании брака и велел чиновникам Ведомства дворцового хозяйства немедленно отправиться в поместье герцога Хань для оглашения воли.

В то же самое время Пятый принц Цзи Хуай, о котором только что вспоминал государь, находился в покоях своей матери. Он долго не находил себе места, меряя шагами залу, прежде чем решился открыть Хан Юнь правду о своем визите к Императору.

Причиной столь отчаянного шага послужил резкий отказ матери. Вернувшись во дворец после злополучного происшествия в герцогском поместье, Цзи Хуай честно признался Хан Юнь в своей невольной оплошности и робко предложил поскорее обручиться с Хан Цинсюэ. Однако наложница Сянь-фэй отвергла эту мысль сразу же, даже не дослушав сына.

Юноша был до глубины души поражен. Он никак не мог взять в толк, почему мать так переменилась в лице. Ведь на протяжении долгих лет Хан Юнь души не чаяла в Хан Цинсюэ, постоянно нахваливала ее при каждом удобном случае и всячески подталкивала его к сближению с ней. Что же произошло теперь?

Однако Сянь-фэй выглядела крайне раздраженной и взвинченной. Она лишь зло бросила сыну, что тот позволил девчонке обвести себя вокруг пальца, после чего отрезала: даже если всё зашло так далеко, ноги этой девки не будут в его дворце. Затем она принялась бормотать себе под нос какие-то несвязные и загадочные фразы о том, что не потерпит столь грязных уловок и «еще посмотрим, кто кого».

Прежде чем Цзи Хуай успел расспросить ее подробнее, Хан Юнь спровадила его прочь, велев возвращаться в свои покои и поскорее выбросить эту глупость из головы. Она заверила его, что родственники из дома герцога уладят все недоразумения и ни одна живая душа вне стен усадьбы ничего не узнает.

Резкая перемена в поведении матери совершенно сбивала принца с толку. Однако он прекрасно понимал: если он сейчас отступится и пойдет на поводу у Сянь-фэй, репутация Хан Цинсюэ будет погублена безвозвратно, а ее жизнь — разрушена.

В порыве отчаянной решимости, почти не отдавая себе отчета в последствиях, он отправился

прямиком к родителю и поведал ему обо всем без утайки.

Сказать по правде, Цзи Хуай всегда робел перед Императором. Это был первый раз в жизни, когда он осмелился явиться к грозному родителю с личной просьбой.

Ему постоянно казалось, что взгляд государя, устремленный на него, лишен какого-либо тепла — в нем сквозил лишь ледяной холод безразличия. И хотя при дворе шептались, будто Пятый принц пользуется особой благосклонностью отца по сравнению с Третьим принцем, Цзи Ло, которого Император якобы презирал всей душой, Цзи Хуай никогда не чувствовал себя в безопасности.

Хан Юнь, до этого лениво рассматривавшая свои свежеекрашенные ногти, от слов сына оцепенела. В следующую секунду она резко вскочила с кушетки и с нескрываемой яростью уставилась на Цзи Хуая.

— Как ты мог поступить столь безрассудно?! — вскричала она, с трудом сдерживая дрожь в голосе. — О столь важном деле доложить государю, даже не посоветовавшись со мной?!

Столь суровый выговор от матери Цзи Хуай выслушал впервые в жизни. Сердце его болезненно сжалось. Глядя на женщину, которая всегда баловала его и души в нем не чаяла, он хмуро ответил:

— Но вы ведь ничего мне не объяснили, матушка.

От гнева у Хан Юнь помутилось в голове. С трудом подбирая слова от обуревавшего ее смятения, она процедила сквозь зубы:

— Слушай же тогда! Хан Цинсюэ слишком незнатна, чтобы занять место твоей супруги. Мы с твоим дядей уже обо всем договорились: через несколько дней я намеревалась просить Его Величество отдать тебе в жены Хан Минчжу! А теперь ты мало того что разрушил все наши планы, так еще и накликнул на себя гнев отца! Нет, я должна немедленно встретиться с Императором, пока не стало слишком поздно!

Сердце наложницы бешено колотилось от подступившей паники. Если до государя дойдут слухи о ее тайных интригах, быть беде.

Между тем Цзи Хуай застыл как громом пораженный при первых же словах матери. Он ошеломленно смотрел на нее, и в его разуме наконец сложился пазл: теперь стало ясно, почему Хан Цинсюэ утверждала, будто это Хан Минчжу столкнула ее в воду.

Должно быть, Хан Минчжу провела о замыслах старших породниться с Пятым принцем и пошла на столь отчаянный шаг, чтобы избежать этой участи. Это доказывало лишь одно: она и знать его не желала.

Безусловно, кузина Минчжу славилась своей ослепительной, редкой красотой, однако Цзи

Хуай никогда не питал к ней нежных чувств. Для него она оставалась чужой, капризной барышней, которая ни в какое сравнение не шла с ласковой и привычной Хан Цинсюэ, с которой они выросли бок о бок. Мысль о том, что Минчжу отвергла его, не уязвила его гордости. Гораздо больше его пугала и ранила холодная расчетливость собственной матери. На душе у юноши стало невыразимо пусто и тоскливо.

Смерив мать недоверчивым, полным боли взглядом, он тихо спросил:

— Матушка... Неужели ради своей выгоды вы были готовы растоптать и погубить жизнь сестрицы Цинсюэ?

Глядя на сына, Сянь-фэй впервые с горечью подумала, что вырастила его слишком чистым и наивным, бесконечно далеким от жестоких реалий борьбы за власть. Сжав ладонями виски, в которых начинала стучать тупая боль, она устало вздохнула:

— Я все объясню тебе позже. А сейчас ты немедленно пойдешь со мной к твоему отцу. Ты — императорский сын, и не тебе решать, кто станет твоей супругой.

Впервые в жизни в душе Цзи Хуая поднялась волна глухого протеста против воли матери. Лицо его помрачнело, а голос зазвучал твердо:

— Я только что покинул Императорский кабинет. У меня не хватит дерзости вернуться туда и заявить, что я передумал.

У Хан Юнь не оставалось времени на пустые препирательства.

— Сначала я поговорю с твоим отцом, а остальное обсудим, когда я вернусь, — отрезала она и, резко развернувшись, поспешно покинула покои.

Принц не проронил ни слова ей вслед.

Попытка наложницы Сянь-фэй добиться высочайшей аудиенции потерпела крах — дорогу ей преградил неотлучный Юань Бао. Расплывшись в вежливой, но непроницаемой улыбке, евнух мягко проговорил:

— Прошу простить, матушка Сянь-фэй, но вы прибыли в недобрый час. Его Величество только что изволил отойти ко сну и строго-настрого запретил кому-либо беспокоить его. Однако ваш покорный слуга спешит поздравить вас с великой радостью! Только что государь начертал указ о союзе: старшая дочь из дома герцога Хань, Хан Цинсюэ, пожалована в супруги Пятому принцу. Его Величество изволил заметить, что Пятый принц пребывает ныне в том нежном возрасте, когда сердце жаждет любви. И хоть его самостоятельное прошение о браке выглядит несколько поспешным и нарушает придворный устав, Его Величество вспомнил ваши собственные отзывы о девице Хань. Вы ведь и сами отзывались о ней как о деве кроткой и добродетельной, коей нет равных. К тому же они с Пятым принцем росли вместе, а потому этот союз — истинное благословение небес. Позвольте же старому рабу поздравить вас с исполнением заветного желания.

Услышав это, Хан Юнь застыла, а ее улыбка сделалась натянутой и безжизненной. С трудом сдерживая дрожь, она выдавила из себя:

— Благодарю за добрые вести, евнух Юань. Скажите... указ о даровании брака уже покинул пределы дворца?

Юань Бао улыбнулся еще шире, прищулив глаза:

— О да, гонцы уже в пути. Полагаю, священная воля достигнет ворот герцогской усадьбы даже раньше, чем туда вернется молодой наследник Хань.

— Наследник Хань? — Хан Юнь вздрогнула, ее тонкие изогнутые брови взметнулись вверх, а в глазах промелькнул неподдельный страх. — Евнух Юань, неужели Хан Сиэнь только что был у государя?

Пожилой слуга почтительно кивнул:

— Именно так, матушка. И молодой господин стал первым, кто узнал о милостивом решении Его Величества.

Сердце Хан Юнь затопила смесь страха и глухой ярости. Хан Сиэнь славился своей дерзостью и коварным языком, способным очернить кого угодно перед лицом Императора, и бог весть, какую грязь он успел вылить на их семью и насколько этот внезапный указ — его рук дело.

Тем не менее, она не посмела выказывать излишнее любопытство перед доверенным слугой государя. Обменявшись с ним парой дежурных вежливых фраз и окончательно убедившись, что Император не примет ее, наложница удрученно побрела обратно в свои покои.

События сегодняшнего дня сыпались на нее лавиной, и теперь ей требовалось время, чтобы в тишине обдумать каждый шаг и попытаться спасти положение.

Проводив взглядом поспешно удаляющуюся наложницу, Юань Бао небрежно стряхнул пылинку с шелкового рукава и бесшумно скользнул обратно в императорский кабинет.

Император по-прежнему восседал за столом, неторопливо просматривая донесения чиновников. Услышав тихий шорох шагов, он спросил, даже не поднимая головы:

— Ушла?

— Дарование брака Пятому принцу — великая милость, — с неизменной мягкостью отозвался Юань Бао. — Матушка Сянь-фэй, вне сомнения, пребывает в неописуемом восторге от вашей щедрости.

Император лишь иронично хмыкнул:

— Твои речи всегда сладки как мед, Юань Бао. Неудивительно, что обительницы заднего двора так любят беседовать с тобой.

— Ваш покорный слуга не смеет и помышлять о подобном, — поспешил смиренно склониться евнух. — Все во дворце знают: тамошние госпожи снисходят до разговоров со мной лишь из безграничного почтения к Вашему Величеству.

Государь задумчиво хмыкнул в знак согласия и перевернул страницу свитка.

— Сегодня у ворот дома Хань действительно великий день. Как думаешь, Юань Бао, придется ли им по вкусу мой указ? Не покажутся ли им формулировки... излишне суровыми?

— Гнев и милость — всё суть высочайшее благословение, — склонив голову, изрек Юань Бао. — Разумеется, они примут указ с благоговением и великой радостью.

Такой ответ пришелся правителю по душе. Он с тихим вздохом покачал головой:

— И все же, если рассудить, виной всему дерзкий язык Хан Сиэня. Это из-за его речей я поддался чувствам и слегка переступил меру.

Вслух евнух почтительно поддакнул, заметив, что молодой наследник Хань всегда отличался излишней прямоотой и горячим нравом. Однако про себя старый слуга лишь горько усмехнулся:

"Эх, Ваше Величество, не стыдно ли вам столь бесстыдно перекладывать вину на чужие плечи?"

<http://bllate.org/book/20088/2002033>